

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ ТИП ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ СИСТЕМ

В статье анализируется специфика России как цивилизации особого типа. Своеобразие российской цивилизации и ее исторического развития определяется автором через категории «пограничной цивилизации», «неклассического объекта», «симбиотической цивилизации». Анализируются наиболее характерные черты российской культуры, обусловленные ее пограничным характером. Выявляются факторы формирования цивилизационной специфики России.

Проблеме специфики российской цивилизации и выявлению особенностей ее развития посвящены многочисленные работы отечественных авторов: Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Н.О. Лосского, Г.П. Федотова, А.С. Ахиезера, Г.Д. Гачева, Б.С. Ерасова, Б.Г. Капустина, И.В. Кондакова, Ю.М. Лотмана, А.С. Панарина, Г. Померанца, В.Б. Пастухова, А.Я. Флиера и других. Как отмечает большинство авторов, исследующих данную проблему, определяющее влияние на формирование российской цивилизации оказал геополитический фактор, а именно среднее положение между цивилизациями Запада и Востока, обуславливающее, во-первых, культурное разнообразие России; во-вторых, возникновение таких феноменов, которые не характерны ни для одной из известных культур.

В философской и культурологической литературе подобные цивилизационные образования получили название «пограничных культур (цивилизаций)». По определению С. Семенова, пограничные цивилизации – это целостные общности, исторически сформировавшиеся на границах между христианским, исламским, буддистским и языческим мирами и включающие в себя многие их элементы. Как правило, это политические объединения, которые сложились на протяжении многих веков и даже тысячелетий в результате симбиоза – синтеза не только близкородственных, но и генетически далеко отстоящих друг от друга культур. Определяющими чертами подобных цивилизаций являются: полиэтничность, поликонфессиональность, толерантность, религиозная веротерпимость, способность к культурной адаптации достижений и ценностей других культур, открытость и т. д. (см. 7).

В последних публикациях, посвященных данной проблеме (см. 2, 11, 12), специфика различных цивилизаций рассматривается через призму завершенности или незавершенности культурного синтеза. С этой точки зрения исследователями выделяются «классические объекты» («классические цивилизации») – устойчивые, завершенные в своем культурном формировании системы и «неклассические объекты» («неклассические цивилизации») – не-

стабильные цивилизации, в которых процессы культурообразования не завершены. К ним и относятся пограничные цивилизации.

Я.Г. Шемякин определяющей структурной особенностью «пограничных» цивилизационных систем считает преобладание принципа многообразия над принципом единства, гетерогенности над гомогенностью. Именно данная структурная особенность определяет все прочие характеристики цивилизаций данного типа, отличающие их от «классических цивилизаций»:

1) в «классических объектах» преобладают элементы органического структурного единства; в пограничных образованиях цивилизационная база неоднородна, расколота, фрагментизирована. Внутри этой крайне нестабильной структуры происходит постоянное взаимодействие противонаправленных культурных тенденций (Запад – Восток, Новый Свет – Старый Свет и т. д.);

2) все «классические цивилизации» являются результатом реализованного и завершенного процесса культурного синтеза. Незавершенность и нереализованность культурного синтеза – это определяющая черта пограничных образований;

3) в отличие от «классических цивилизаций» в пограничных культурах стратегическая роль принадлежит не синтезу, а культурному симбиозу, являющемуся культурообразующим механизмом и структурной цивилизационной основой. Симбиотические взаимосвязи различных интегрирующих элементов, образующих основу пограничного образования, обеспечивают его неустойчивую стабильность (см. 12).

Таким образом, «классические цивилизации» по своей природе синтетичны, а «неклассические» – симбиотичны. По определению И. Яковенко (см. 11), «пограничные цивилизации» – это агрегированные образования, т. е. состоящие из блоков, не имеющих органической взаимосвязи. Агрегированная целостность имеет не синтетическую, а синкретическую природу, ее элементы связаны симбиотическими отношениями.

Именно незавершенность, нереализованность культурного синтеза делает пограничную цивилизацию перманентно переходной цивилизацией, противоречивой и непредсказуемой в

своем развитии. Однако, как подчеркивает В.Б. Земсков (см. 2), транзитивные свойства пограничной цивилизации – характеристики исторические, и определение «классических цивилизаций» как синтетических, а «неклассических» как симбиотических носит относительный характер. Европейская цивилизация, обладающая статусом синтетической, до определенного исторического рубежа (Возрождение) была местом встречи и смешения самых различных влияний, обладала всеми определяющими характеристиками пограничных цивилизаций, включая расколотую идентичность, фрагментарность системы ценностей, инверсионную цикличность развития, напряженность бинарных оппозиций, внутреннюю конфликтность, неоднородность цивилизационной основы, повышенную роль симбиоза как культурообразующего механизма и т. д.

Для российской же цивилизации проблема культурного синтеза является актуальной и сегодня, не случайно многие философы, культурологи говорят о ее молодости или даже «подростковости». Так, о «незавершенном», становящемся, назревающим характере российской цивилизации писали Н.Я. Данилевский, А. Тойнби, Х. Ортега-и-Гассет и другие, признавая в то же время ее огромный потенциал роста. Рассмотрим, как названные выше характеристики симбиотической цивилизации проявились в менталитете российской культуры.

В качестве наиболее характерной его черты многочисленными авторами называется бинарность, обусловленная соединением в ней западных и восточных культурных начал. Данная особенность российской культуры осмысливалась в русской философской мысли как антиномия «мужественности» и «женственности». «Мужественность» и «женственность» – два исходных начала российской культуры, которые находятся в постоянной борьбе, не знающей примирения. Несоединенность этих двух взаимоисключающих, враждебных начал определяет противоречивость, антиномичность российской культуры, сосуществование и противоборство в ее менталитете глубинных, неразрешимых противоречий: между всеохватной государственностью и анархической вольностью; между поисками свободы и подчинением государственному деспотизму; между национальным самомнением, стремлением к великодержавности и мессианским универсализмом; между культом материализма и приверженностью к высшим духовным ценностям и т. д.

Именно эта антиномичность российской культуры дала основание отечественному фи-

лософу Г.П. Федотову использовать для ее характеристики образ кентавра – мифического существа, соединяющего черты человека и животного – зримый образ амбивалентности культурности и дикости, добра и зла, гармонии и стихии. И.В. Кондаковым модель российской культуры представляется в виде «двухжелткового яйца» с двумя разнозаряженными центрами, смысловыми полюсами, между которыми идет постоянная борьба, являющаяся источником нестабильности культуры, мощным фактором возмущения социокультурных, политических, идеологических процессов во всем мире. С другой стороны, эта дихотомичность, разорванность, противоречивость российской культуры, постоянное неустойчивое балансирование между целостностью и расколом способствуют формированию ее необычайной гибкости, высокой адаптивности, обеспечивая поразительную выживаемость в предельно трудных, порой катастрофических, «антикультурных» условиях.

Внутренняя поляризованность культуры определяет логику развития России, маятниковые колебания от одной крайности к другой, так как «вырабатывает устойчивое стремление вырваться из плена дуальных противоречий, преодолеть внутренне-конфликтную бинарную структуру «скачком», «рывком», «взрывом» – за счет резкого, решительного перехода в новое, вовсе даже не подготовленное, неожиданное качество» (4, с. 31).

Именно внутренней поляризованностью российской культуры обуславливается дискретность, разорванность, прерывность исторического развития, отсутствие органичного единства различных этапов истории России, о чем пишет Н.А. Бердяев в своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма». Выделяя пять периодов русской истории, пять разных России: киевскую, татарского периода, московскую, петровскую, императорскую и Россию советскую, он подчеркивает, что смена одного этапа другим осуществлялась через коренную «ломку» всех предшествующих социальных, экономических и политических структур, всего уклада жизни народа, через отрицание традиций и преемственности, сопровождалась радикальными, порой катастрофическими изменениями в социокультурной сфере.

Диахронические разрывы как отличительную особенность российской культуры отмечает и Г.П. Федотов, утверждающий, что «в России история особенно любит делать зигзаги» (10, с. 83). На это же обстоятельство обращает внимание и Ю.М. Лотман, который в книге «Культура и взрыв» характеризует российскую куль-

туру как бинарную культуру, развитие которой происходит через «взрыв». Сам же момент взрыва отличает идея полного и безусловного уничтожения предшествующего и апокалипсического рождения нового, переживание его как уникального, ни с чем не сравнимого феномена во всей истории человечества, поэзия мгновенного построения «новой земли» и «нового неба», радикализм, привлекающий наиболее максималистски настроенные слои общества.

В ряде работ, посвященных выявлению истоков российской культуры и перспектив ее развития, центральной категорией выступает понятие *раскола*. Раскол характеризуется как назойливая универсалия российской истории, специфический тип российского конфликта, наиболее характерная особенность российского исторического процесса. Так, например, А.С. Ахиезер причину раскола российской культуры видит в особом механизме социокультурного развития – инверсии, направленном на сохранение и воспроизводство бинарной структуры культуры. Как утверждает философ, снятие напряженности, возникающей между смысловыми полюсами культуры, происходит при инверсии через смену смысла на противоположный, например, через переход от оценки того или иного исторического субъекта как носителя добра к его интерпретации как носителя зла и наоборот. Таков механизм социокультурного развития России, и именно поэтому, как отмечал в свое время Н.А. Бердяев, в ней нет дара создания срединной культуры, и в этом состоит ее действительно глубокое отличие от стран Запада. Глубокая противоречивость культуры и отсутствие в ней сформированного срединного начала придают особый размах циклам российской истории, превращавшимся в «ломку» «социокультурного кода» и сопровождавшимся насаждением новых норм и ценностей, ликвидацией или запрещением наследия предшествующего периода.

Именно дихотомической логикой культурно-исторического развития детерминирован тот факт, что различные во временном отношении «взрывы», сотрясающие историю России, приобретают сходные социальные, политические, культурные черты. Не случайно представления русского философа Г.П. Федотова о духовно-нравственном облике предреволюционной России во многом совпадают с теми описаниями, которые дают отечественные авторы современному состоянию России, независимо от их политической ориентации. В частности, в книге «Судьба и грехи России» Г.П. Федотов отмечает следующие наиболее яркие черты переходной

предреволюционной России: торжество ценностей западной цивилизации, интенсивное их усвоение в наиболее упрощенном, американском варианте; растущий культ потребительства, «праздничное обжорство сытых» (10, с. 100); взрыв сепаратизма, раздирающего тело России как следствие укрепления национального самосознания всех народов; падение идеи русской, «выветривание» национального сознания; понижение уровня культуры за счет ее нивелирования; нравственная деградация общества; нигилизм как следствие активного усвоения западных ценностей; «вывороченная наизнанку система ценностей» (10, с. 34) и т. д.

Подобная предельная неоднородность России нередко становится основанием для самых резких выводов, противоречащих распространенному мнению большинства философов и культурологов. Так, Л.И. Семенникова в одной из своих работ утверждает, что Россия не является самостоятельным цивилизационным типом, так как является крайне неоднородной в цивилизационном отношении. Это «особый, исторически сложившийся конгломерат народов, относящихся ко всем типам цивилизаций, объединенных мощным централизованным государством» (6, с. 108). С позиций автора, единство конгломерата народов, его устойчивость, стабильность обеспечивались централизованным унитарным государством, единым административным делением, единой системой делопроизводства и суда, единым экономическим и правовым пространством.

С данным утверждением, однако, трудно согласиться по ряду причин. Во-первых, самостоятельный характер российской цивилизации и ее весьма значительная роль в мировой истории признавались многими авторами, не только отечественными, но и зарубежными. К числу таких авторов относятся Н.Я. Данилевский, А. Тойнби, С. Хантингтон, И. Яковенко, В.Б. Пастухов, И.В. Кондаков, В.М. Межуев и др. Во-вторых, сами цивилизации могут быть нескольких типов в зависимости от характера их интеграции. Представляется возможным выделить в современном мире, по крайней мере, 4 типа цивилизаций:

- 1) цивилизации, основанные на общности языка и этнического происхождения;
- 2) цивилизации, возникшие на основе длительного вхождения народов в состав единого многонационального государства и являющиеся государственными объединениями;
- 3) цивилизации, возникшие на основе религиозного единства, формирующего единообра-

зие системы ценностей и механизмов регуляции социальной практики;

4) цивилизации, представляющие собой «социокультурные смеси различных языковых, государственных, экономических и территориальных общностей» (13, с. 14).

Применяя данную классификацию к современным цивилизациям, можно сказать, что к первому типу принадлежит западноевропейская цивилизация; ко второму – китайская, индийская и североамериканская; к третьему – исламская; к четвертому – африканская, океаническая и в какой-то мере латиноамериканская. Российская цивилизация относится скорее ко второму типу, хотя православие оказало значительное влияние на менталитет основной общности.

Специфика российской цивилизации *как государственного объединения* формировалась под противоречивым влиянием самых разнообразных факторов. Огромное значение в цивилизационном процессе России играли природно-климатические и географические факторы, о чем писали многие отечественные мыслители, указывая на разнородность и суровость природных условий России, на огромность территорий, которые подлежали цивилизационному освоению. По их мнению, именно природно-климатические и географические факторы во многом обусловили подавляющую роль государства в российской цивилизации, а также жесткий, деспотический характер государственной власти.

Так, например, Н.А. Бердяев в книге «Судьба России» пишет: «Географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства. На русских равнинах должен был образоваться великий Востоко-Запад, объединенное и организованное государственное целое. Огромные пространства легко давались русскому народу, но нелегко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. На это ушла большая часть сил русского народа. ... Государственное овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлением свободных личных и общественных сил... Смирение русского человека стало его самосохранением. Отказ от исторического и культурного творчества требовался русским государством, его сторожами и хранителями. Необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, – не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни. Эти

необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их. Он слишком привык возлагать эту организацию на центральную власть, как бы трансцендентную для него» (1, с. 66-67). Таким образом, именно география диктовала России необходимость сильной власти, сильного государства и его приоритетную роль во взаимоотношениях с обществом. В данном случае сильная власть была условием самосохранения и самого государства, и общества.

Другим фактором, осложнившим историческую задачу России и определившим ее государственно-общественное устройство, было расширяющееся пространство Руси, а затем России, превратившее ее в трудноуправляемое разнородное образование. Вся история России – многовековой процесс собирания земель, расширения территории обитания и ресурсов, экстенсивный рост в течение почти 6 веков. Постоянная территориальная экспансия обусловила самовластный характер российской государственности, милитаризацию страны и – как следствие – огромное напряжение сил народа. А. Тойнби в книге «Постижение истории» неоднократно говорит о негативной роли подобных завоеваний для цивилизационного развития общества: «Когда общество, отмеченное явными признаками роста, стремится к территориальным приобретениям, можно заранее сказать, что оно подрывает тем самым свои внутренние силы» (8, с. 323). Такой ношей, отяжелившей Россию, по мнению А. Тойнби, было присоединение Сибири – пространства, не поддающегося цивилизационному освоению в ту эпоху.

Необходимость сильной, жесткой власти диктовалась также геополитическим положением России, которая на протяжении всей своей многовековой истории должна была защищаться от внешних врагов, претендующих на ее территорию и ресурсы. С самого начала своего существования Россия не раз оказывалась жертвой агрессии Запада, и именно задачи борьбы с экспансией заставили ее заимствовать византийскую модель государственного устройства. «Полагая, что их единственный шанс на выживание лежит в жесткой концентрации политической власти, они (русские) разработали свой вариант тоталитарного государства византийского типа. Великое княжество Московское стало лабораторией для этого политического эксперимента, а вознаграждением за это стало объединение под эгидой Москвы целой группы слабых княжеств, собран-

ных в единую сильную державу. ...И вот с тех давних времен, с начала XIV века, доминантой всех правящих режимов в России были самовластие и централизм. Вероятно, эта русско-монгольская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако, к несчастью, русские научились терпеть ее, частично просто по привычке, но и оттого, без всякого сомнения, что ее считали меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями», – пишет А. Тойнби в своей книге «Цивилизации перед судом истории» (9, с. 113-114, 158). Именно данным обстоятельством объяснял мыслитель традиционное для России смиренное отношение народа к самовластному режиму.

Таким образом, сильная, деспотичная власть была на протяжении всех веков существования условием самосохранения и выживания России как самостоятельного государства. Сегодня даже идейные противники большевизма признают тот факт, что диктатура, которую установила новая власть после революции 1917 года, спасла Россию от анархического распада и защитила от многих внешних и внутренних опасностей, а политика большевиков была «единственно пригодным средством для сохранения российской государственности и культуры» (3, с. 204-219). Эти высказывания с полным правом могут быть отнесены и к социалистической модернизации, и к победе России во Второй мировой войне, и к периоду послевоенного строительства. Подобный тип государственно-общественного устройства, основанный на массивном использовании мер принуждения и насилия, обладал повышенной мобилизационной способностью в условиях ограниченности ресурсов: временных, природных, культурных, материальных и пр. Поэтому трудно не согласиться с В. Кожинным, утверждающим, что в силу объективных причин «государственная власть в России не могла не быть особенно твердой, в пределе – деспотической...» (5, с. 273).

Важным фактором, определяющим цивилизационное устройство России, были также ее изначальная полиэтничность и поликонфессиональность, проявившиеся с самого начала истории Руси и создававшие разнородность цивилизационных потенциалов. Уже в «Повести временных лет» говорится о множестве племен, населявших территорию Руси: словен, чудь, кривичей, древлян, полян, северян, тюрков. В дальнейшем цивилизационная гетерогенность Руси еще более возрастает за счет постоянно расширяющегося пространства, присоединения новых земель на востоке. Разнородность цивилизационных потенциалов и отсутствие единого религиозно-ценностного фундамента в данных условиях могли быть компенсированы за счет политических и духовных факторов интеграции, а именно за счет государства, опирающегося на «идею». Если государство выполняло здесь функцию политической интеграции, то функцию духовной интеграции выполняла «идея» в любом ее варианте: православном или марксистском. Идеократический характер государства в России обуславливал, с одной стороны, его силу, способность к небывалым взлетам и достижениям (социалистическая идея); с другой, его необычайную хрупкость и уязвимость, поскольку «при крахе идеи мгновенно как бы превращается в ничто вся мощь и все богатство громадной страны, и помимо всего прочего распадается на куски ее евразийская многоэтничность» (5, с. 60).

Таким образом, такие факторы, как суровость природно-климатических условий, огромные размеры территории, полиэтничный и поликонфессиональный состав населения, перманентная опасность внешней агрессии, обусловили специфику цивилизационного устройства России как государственного объединения. И в этом состоит ее принципиальное отличие от других цивилизаций, ее сила и ее слабость.

Список использованной литературы:

1. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. – М., 1990.
2. Земсков В.Б. Латинская Америка и Россия (Проблема культурного синтеза в пограничных цивилизациях) // *Общественные науки и современность*, 2000, №5.
3. Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. – СПб., 1999.
4. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. – М., 1994.
5. Кожин В.В. История Руси и русского слова. Опыт беспристрастного исследования. – М., 2001.
6. Семенникова Л.И. Цивилизационные парадигмы в истории России. Ст. 1 // *Общественные науки и современность*, 1996, №6.
7. Семенов С. Ибероамериканская и восточноевразийская общности как пограничные культуры // *Общественные науки и современность*, 1994, №2.
8. Тойнби А.Дж. Постигание истории. – М., 1996.
9. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. – М., 1996.
10. Федотов Г.П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): В 2-х тт. Т. 2. – СПб., 1991.
11. Цивилизационные исследования. – М., 1996.
12. Шемякин Я.Г. Отличительные особенности «пограничных» цивилизаций (Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении) // *Общественные науки и современность*, 2000, №3.
13. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. – М., 2001.